

СТРАНИЦЫ ПАРТИЗАНСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОЙ СЕМЬИ

Все написанное здесь — истина из первых уст, прошедшая через мое сердце. Взяться за перо меня побудило единственное желание напомнить людям, что был у них сын, Петр Миронович Машеров, который самозабвенно любил свой народ, свою Беларусь и стремился сделать жизнь своего народа лучше и краше. Мне хотелось показать те истоки, те корни, которые питали нас своим соком и способствовали формированию такой личности, каким был Петр Миронович. И если мои воспоминания затронут хоть одну струну души читателя, я буду рада, что труд мой не пропал даром. Это важно еще и потому, что в последние годы появилось много статей в газетах, журналах, вышли в свет несколько книг, в которых есть правда, идущая от сердца и души, глубокое знание Петра Мироновича, но есть и публикации, извращающие факты и события. В них придуманы поступки и действия, которых в нашей семье не было. Имеет место вымысел вместо правды. Родители наделены качествами, чуждыми им. Эти досадные недостатки связаны, думаю, с незнанием родословной Машеровых, детства и юности Петра Мироновича.

Пронько (Машерова)
Ольга Мироновна

Ольга Мироновна (в замужестве Пронько), младшая сестра Петра Мироновича Машерова. Ее детство и первые послевоенные годы прошли рядом с братом Петром. В Великую Отечественную войну с сестрами Матреной и Надеждой была в эвакуации в Чкаловской области. Трудилась в колхозе на полевых работах: пахали,

сеяли, убирали урожай, хлеб отправляли на фронт. Училась сначала в Минском, а затем в Гродненском медицинском институте. Работала врачом эндокринологом ординатором, главным врачом областного эндокринологического диспансера, главным эндокринологом Гродненской области, ассистентом кафедры госпитальной терапии Гродненского медицинского института. Награждена орденом «Знак почета». Мать двух детей, бабушка четырех внуков, прабабушка двух правнуков. В 2000 г. выпустила книгу «Семья Машеровых», готовит ее второе, дополненное издание.

Я отчетливо осознаю, что писать о нем сложно и ответственно. Мысленно вижу его: незаурядный ум, широкая щедрая натура, нежное отзывчивое сердце, красивое доброе лицо, доброжелательная улыбка, высокий, стройный, легкая спортивная походка. А рядом другой образ: строгий, требовательный к себе и окружающим, волевой, смелый, сильный духом, имеющий свои убеждения и не поступающий ими, беспредельно любящий свою Родину, свой народ, для улучшения жизни которого он жил.

Духовное богатство личности описать невозможно, его можно обозначить только отдельными штрихами, воспроизводя те или иные поступки. Но образ при этом получится несколько обедненный. Хотя, если все осмысливать сердцем, то можно приблизиться к истине. Мне так кажется. Я думаю, что вести разговор о Петре Мироновиче необходимо через призму жизни нашей большой семьи, в которой были общими повседневный труд, успехи и неудачи, радость и горе, мечты и надежды, где взаимопонимание и взаимопомощь составляли основу отношений.

Отец — Мирон Васильевич Машеров — родился и вырос в деревне Ширки Витебской области (Сенненский район, позже — Богушевский) в крестьянской малоземельной семье. У него были два брата (Иван и Михаил) и четыре сестры (Лукерья, Марья, Авгинна и Арина). Каждый из братьев имел право получить свой надел земли, а так как ее у дедушки Василя Борисовича было мало и делить было почти нечего, то старший брат Иван ушел работать на железную дорогу. Через какое-то время он дослужился до должности машиниста, женился и жил в городе Могилеве. Наш отец и брат Михаил получили по 3,5 десятины земли, сюда входили и пахота, и сенокос. Земля эта находилась на Гороватке. Здесь наши участки чередовались с участками дядьки Михалки. Земля на Гороватке глинистая, склоны крутые, поэтому обрабатывать ее на лошади трудно (то глина липнет к плугу, то превращается в камень), надо было угадать сроки обработки. Наша основная житница — рожь — росла неплохая. После 1917 г. отцу как малоземельному дали одну десятину земли, состоящую из двух участков. Один участок был на Селице и представлял вырубку, поросшую кустами и покрытую старыми пнями, другой — заболоченный надел с кустами и осокой. Много лет родители вырубали кусты, выкорчевывали пни, пока Селицу превратили в приличное поле. Здесь сеяли ячмень, овес, лен. На этом поле, на горе, стоял огромный дуплистый дуб, в нем было осиное гнездо. Внизу, возле дороги папа оставил три березки-сестрички, что очень украшало поле. Что же касается заболоченного участка, то его родители пытались осушить и превратить в сенокос. Пролили много пота, но труд пропал даром, сенокоса так и не получилось, росли по-прежнему осока и хвош.

Мама Дарья Петровна Ляховская родилась в бедной крестьянской семье в Богушевском районе. Рано осталась без отца. Дедушка Петр Киревич Ляховский умер в 35-летнем возрасте, скоропостижно от легочного

кровотечения в лесу местного помещика, где работал по найму на лесоразработках. Осталось трое малолетних детей. Ей, самой старшей, едва исполнилось 12 лет. Она помогала своей маме Пелагее Ефимовне воспитывать младших братьев Фому и Арсения. Умела делать всю домашнюю работу: прясть, ткать, вязать, шить, трудилась с братьями в поле и на огороде. Несмотря на тяжелую сиротскую жизнь, мама выросла веселой, общительной, целеустремленной. Красиво пела и хорошо танцевала.

Высокая, стройная, с длинной темной косой, живыми серыми глазами, она привлекала внимание многих молодых людей. Но отдала предпочтение голубоглазому Миرونу Васильевичу Машерову, спокойному, трудолюбивому, уравновешенному, очень честному и справедливому человеку, никогда не идущему на сделку с совестью.

Поженились родители в 1907 г., когда маме было 19 лет, а отцу — 25. Через год родилась дочка — Матрена. Рождение девочка стало большой радостью, ведь старшая дочь — главная помощница в семье.

Жил папа со своей семьей в родительском доме вместе с семьей старшего брата Михаила и незамужней сестрой Авгинной. Хозяином в доме считался дедушка Василий Борисович. Его все слушали и уважали. Бабушка Авдотья умерла рано, когда нашему папе, самому младшему в семье, было лет четырнадцать. Дедушка давал советы сыновьям по ведению хозяйства. Они работали в поле, а невестки вели всю домашнюю работу. Жили дружно.

К большому несчастью, вскоре дедушка Василий тяжело заболел, перенес инсульт и два года был прикован к постели. Все это время за ним ухаживала наша мама. Конечно, ей приходилось нелегко: маленькая Матреша, больной Василий Борисович и вся работа по хозяйству, но она справлялась. И к великой радости всей семьи, дедушка поправился, встал на ноги. Он искренне благодарил свою младшую невестку Дарью Петровну за дочернюю заботу и уход за ним, ценил ее за веселый нрав, быстроту в работе и умение находить контакт со всеми членами большой семьи.

Теперь в семье все наладилось, жизнь вошла в спокойное русло, всем стало легче и спокойнее на душе. Дедушка снова стал главным советчиком в крестьянской работе. Присматривал за внуками, любил заниматься с маленькой Матренкой. Она уже начала разговаривать, бегала вокруг дедушки. Но в дом опять пришла беда: после вторых родов тяжело заболела наша мама. Папа отвез ее в больницу в Витебск. После длительного лечения мама поправилась, однако маленькую Степанидку спасти не удалось. А через два года такая же участь постигла и мальчика Костю.

И только в 1914 г. родился сын Павел, здоровый, крупный, красивый ребенок. Но, как рассказывала мама, очень крикливый, до года кричал день и ночь, хотя хорошо ел и быстро рос. К сожалению, этого внука дедушка уже не увидел. В 1913 г. большая семья осиротела, дедушки Василия Борисовича не стало. Павлуша был еще совсем маленьким, когда отца забрали на фронт.

Шла Первая мировая война. Теперь единственной маминной помощницей стала шестилетняя Матреша. Она выполняла посильную домашнюю работу, а самое главное, нянчила Павлушу. Конечно, справляться с весенними полевыми работами (пахать, сеять), а также убирать урожай ей помогал дядька Михалка.

После возвращения папы с войны в 1917 г. родители начали строить новый дом. Строили толокой, как было принято в те времена. Вывели дом под крышу быстро, а достраивали в течение нескольких лет. Дом получился хороший, светлый, просторный (пятистенка). А вот сени не достроили, пол положили только по центру, напротив дверей, по сторонам, справа и слева, остался земляной. Видимо, родителям было трудно все осилить, ведь строили еще и сарай, и амбар. 1918 г. ознаменовался не только возведением нового дома, но и появлением в семье 13 февраля второго сына — Петра. Рождение второго сына — двойная радость. Сыновья всегда надежда и опора в жизни родителей, это наследники, несущие фамилию отца из поколения в поколение.

Маленький Петька был сероглазым, быстрым, и не таким крикливым, как Павлуша. Теперь уже Павел стал и нянькой и другом малыша. Мама рассказывала, что они с раннего детства очень любили друг друга и никогда не расставались. Однажды Павлуша две недели гостил в Замошчье у дяди Фомы. Когда папа привез его домой, Петя выбежал навстречу и громко, выразительно сказал: — «Павлуша, я без тебя как соскучился!» До этого Петя говорил отдельные слова, а тут такой монолог. Все были приятно удивлены. С этого дня Петя стал хорошо разговаривать, а чувство любви и привязанности осталось между братьями на всю жизнь. По характеру они разные: Павлуша — спокойный и рассудительный, Петр — быстрый, смелый, озорной. Отличались они и по внешнему виду: Павлуша — черноволосый, с красивыми серо-карими глазами, Петя — русоволосый с озорными серо-зелеными глазами и веснушками на улыбающемся личике. Он всегда был полон самых разных идей и задумок. То ему вдруг приходило на ум переплыть реку в самом широком месте, то вдвоем с Павлушей ныряли в опасном «Минкином» виру, где очень глубоко и много омутов. За эти «подвиги» им обоим попадало от мамы, но мальчишки «мужественно» переносили наказание и никогда не выдавали друг друга. Однажды был такой случай. По ошибке жалоба поступила на Петю, его и наказали. И он принял наказание как должное. А через какое-то время выяснилось, что виновен-то Павлуша. Спрашивают: «Так почему же ты, Петя, не сказал?». А он говорит: «Так ведь все равно вы наказали бы нас обоих». Маленькие братики не только резвились и озорничали, они уже и работали. Павлуша в семилетнем возрасте пас корову в лесу (другого пастбища у нас не было). А Петя в том же возрасте пас свиней в соседней деревне у зажиточного мужика, отрабатывал за одолженный отцом мешок зерна. Петя заигрался с мальчиш-

ками, а поросята залезли в огород и попортили капусту. Пастушка накачали. Узнав об этом, папа сразу забрал Петю домой, пообещал хозяину отдать долг с нового урожая. После этого случая Петю на «отходные заработки» не отправляли, теперь он уже нянчил меня, совсем еще маленькую. И здесь у него не обходилось без казусов. О некоторых из них он вспоминал, уже будучи взрослым. Мама с Матрешей уходили в поле. Петю оставляли со мной в доме, а ему хотелось поиграть с мальчишками во дворе. Все трудности заключались в том, что я, по его словам, была толстенькой, и он не мог меня перетащить через высокий порог дома. С большим усилием он меня выволакивал и оставлял возле крыльца, сам бегал со сверстниками в свое удовольствие. Ну а я, предоставленная самой себе и окружающей меня природе, активно тянула в рот все, что было на расстоянии досягаемости: песок, травку, цветочки. Иногда мама и находила меня в таком виде, но чаще Петя возвращал меня волоком в хату, благо что, по словам Петра, я была спокойная и шуму не поднимала. Мама узнавала о его проделках по моему виду. Наказание было неотвратимым. В нашей семье из восьми родившихся детей в живых осталось пятеро: три девочка (Матрена, Ольга, Надя) и два мальчика (Павел и Петр). Жила с нами и бабушка Пелагея Ефимовна (мамина мама), которая рано потеряла зрение и нуждалась в уходе.

Доброжелательность и покой царили в семье. Отец не курил, не пил и никогда не произносил бранных слов. Все семейные вопросы родители обсуждали и решали вместе, причем спокойно, без шума и ссор. Они с полуслова понимали и оберегали друг друга. Вспоминаю о родителях, Петр говорил: «Отец честнейший человек. Он никогда не шел на сделку с совестью. Никогда маме не сказал неправды. Он был спокойным, строгим, аккуратным. Мужики в деревне носили бороды. Я не помню, чтобы отец ходил заросший. Всегда был в работе. Они с мамой были идеальной парой. Мы все пошли по матери, характер — отца». Нам казалось, что в доме нет никаких проблем. Их иногда создавали мы — дети: то яблоки в саду дядьки Михалки оказались слаще наших, то сливы из его сада сами «лезут» к нам через забор, то Павел с Петром ныряли в «Минкином» виру, то поросята залезли в огород дядьки Михалки из-за нашего недосмотра. Родители не прощали нам ни единого проступка, воспитывали очень строго: залез в сад дядьки Михалки, отнеси яблоки обратно и попроси прощения у тетки Рипины или дядьки Михалки за свой плохой поступок, — таково было требование мамы. И мы шли с несколькими яблоками в руках, извинялись, а слезы лились рекой от обиды и стыда. От нас требовали не только послушания и уважения к старшим, нас учили быть честными, порядочными и справедливыми. Родители приветливо и уважительно относились и к родственникам, и к чужим людям.

Не случайно к нам часто приходили знакомые из соседних деревень и односельчане, чтобы посоветоваться с родителями, поделиться горем

или радостью, а то и просто побеседовать в длинные зимние вечера. Люди уважали наших родителей, считались с их мнением. А они не оставались равнодушными и безучастными к чужим бедам, помогали и советом, и теми, далеко небогатыми запасами, которые у нас имелись.

Помочь человеку в беде было в нашей семье естественным и закономерным. Мама помогала даже в тех случаях, когда знала, что бедность этих людей связана с их ленью. Например, семья Андрея Губрияленка. Детей много, все голодные, раздетые и разутые. А почему? Потому, что Андрей и его жена зимой лежали на печи, а летом грелись на солнышке, а на огороде вместо овощей росла лебеда и крапива. Возле дома не было, я уже не говорю о яблонях, даже ягодного кустика. И все же придет Андреиха зимой к нам, поплачется, и мама, жалея ее детей, даст горшок квашеной капусты, ведро картошки, соленых огурцов, а весной нарвет молодых бурачков, зеленого лука. Как говорят: «Чем богаты, тем и рады». Знакомые и родственники из дальних деревень довольно часто заезжали к нам переночевать по пути в Богушевск или возвращаясь обратно. Родители их любезно принимали, кормили борщом, укладывали спать на широкой лавке возле стены.

Живя в такой атмосфере доброжелательности, мы незаметно для себя перенимали от родителей их лучшие качества, учились трудолюбию и аккуратности. Несмотря на скромные доходы (земли мало, хозяйство небольшое), всегда были накормлены, досмотрены, чисто одеты. В доме было много красивых цветов. В работе мама очень быстрая, у нее в руках «все горело». Она никогда не ходила медленно, все бегом — и у печи, и на дворе, и в поле. И у нее все получалось за редким исключением. Мама шила все для детей, для себя и папы, кроме верхней одежды, которую шил отец, так как, у нее порой не хватало терпения, чтобы при раскрое все просчитать. Иногда раскроит, а потом — не получается. Тогда папа приходил ей на помощь. Он спокойно, не спеша, аккуратно все доводил, получалось добротнo. Папа вообще все делал медленно, но основательно. Он профессионально шил, особенно полушубки, костюмы. Одно время работал на швейной фабрике в Витебске, где получил высший седьмой разряд. Чистоту и порядок в доме поддерживали и мы — дети.

Я вспоминаю, как мы с Петром мыли полы. Я еще малая, в школу не ходила, а Пете было лет тринадцать. Он уже высокий, носил дома самотканые коротковатые штанишки. Петя таскал воду и натирал пол гальем (березовый веник без листьев), а я смывала водой и вытирала. В те времена в деревне о крашенных полах даже понятия не было. У аккуратной хозяйки половицы обычно выскоблены добела. Вот мы и старались этого добиться. Но предварительно ножом выскабливали добела стол, широкую лавку, стоящую вдоль стены, и две скамейки. После этого мыли пол. Когда работа заканчивалась, Петр шел за чистой родниковой водой, а я бежала на заливной луг, рвала аир и луговые цветы для букета.

Вдвоем с Петей мы раскладывали аир на полу «ёлочкой». Запах в доме стоял неповторимый, сразу появлялось ощущение праздника. Приходит мама с полевой работы и радостно улыбается, а мы с Петей сияем от счастья. Иногда я мыла пол одна, но тогда были очень «длинные» половицы и очень «большая хата».

Двор у нас был зеленый и чистый, как будто в хозяйстве не содержали скота. Это уже заслуга отца и нас, детей. Не успевал еще сойти снег, как мы начинали подметать двор веником. Сразу зеленела травка, возле дома расцветали цветы. Цветы для мамы радость, ее увлечение. Она всегда находила время, чтобы ухаживать за цветами, за пионами ходила в соседнюю деревню за шесть километров. За огородом, у самого болота, родители построили баню. Рядом с баней выкопали колодец. Каждую субботу был банный день. Мы наперегонки бежали с горы в баню, каждый нес себе чистое белье. Кто-то из старших детей вел по дорожке бабушку. Сначала мылись мужчины, им надо больше жару. Они напарятся и бегут к колодцу, обольются холодной водой — и снова в баню, на полок, снова парятся. Девочки шли с мамой после мужчин, когда уже был легкий жар. Пахнет березовым веником, очень приятно. Мама нас веничком слегка попарит, помоем щелоком голову, обдаст чистенькой водичкой, и мы уже одеваемся. Все бежим гуськом по тропинке домой, веселые, розовенькие, чистенькие. После бани садились ужинать за большой семейный стол.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке